

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Мой мальчик

Я аккуратно крашу ресницы, глядя в зеркало, которое держит передо мной мой мальчик. Зеркало в тяжелой оправе и у него иногда чуть заметно подрагивает рука. Я не тороплюсь. Не надо было ему приходиться раньше назначенного времени. Он осторожно слегка меняет позу, устал, моя

лапушка. До чего красив, сил нет.

Откладывая тушь, провожу пальцами по его щеке:

— Будь добр, принеси мне туфельки. Я купила новые, атласные. Тебе ведь нравится красный цвет?

Кивает, улыбается и вскакивает. Гибкий и стройный как ивовый прутик.

— Там, в шкафу, черная коробочка, — добавляю я.

Уходит. Походка у него легкая, быстрая. Моя ж ты прелесть.

Слышу как в прихожей отодвигается дверца шкафа, что-то шуршит. Ищи, ищи, мой котенок, не найдешь ведь, как не старайся. Нет, я не вру, туфельки там действительно есть, только вот черная коробочка завернута в желто-синий пакет и стоит на самой верхней полке под шарфом и косынками.

В прихожей что-то мягко падает, мой мальчик тихо чертыхается и продолжает возиться. Я неслышно подкрадываюсь и выглядываю из комнаты. Он стоит на коленях и лихорадочно потрошит полки шкафа, вокруг раскрытые коробки с обувью, крышки небрежно разбросаны.

— Та-ак! — говорю я особенным голосом.

Он поднимает на меня глаза, уже понимая, как подставился. Торопливо отвечает:

— Да ерунда, сейчас уберу.

Я молча перешагиваю через обувь, беру со столика сумку. Нарочито медленно отстегиваю карабинчики длинной ручки. Он следит за мной взглядом, безнадежно спрашивает:

— Может, не надо?..

Я не отвечаю, складываю узкий ремешок вдвое.

Мой мальчик прикусывает губу. Все так же стоя на коленях, расстегивает и приспускает брюки. Задирает на плечи тонкую футболку. Немного наклоняется, упираясь руками о полку. Ждет.

У меня внизу живота пульсирует горячий комок. Размахиваюсь и опускаю ремешок на красивое юное тело. И снова... и снова...

От легких первых ударов почти не больно, проверяла на себе. Мой мальчик слегка расслабляется и вот тогда я бью в полную силу. Раз, другой, третий. Слышу, как он тихо шипит сквозь зубы. Хоть раз бы закричал, мой терпеливый.

Делаю перерыв секунд на пятнадцать, даю ему перевести дух. Потом опять пускаю в ход ремешок. Мой мальчик прогибается от боли. Бросаю ремешок на сумку, наклоняюсь и глажу его, целую припухшие губы. Он тянется ко мне, прижимается. Его руки уже распахивают халат, под которым на мне только чулки с кружевной резинкой, нежно ласкают кожу. Я чувствую, как скользит по животу упругий язычок, и... отталкиваю его от себя.

Мой мальчик учащенно дышит. Его возбуждение заметно невооруженным глазом, но он берет себя в руки и спрашивает почти спокойно:

— Ты закончила?

Киваю. Он поднимается, ухитряясь даже со спущенными штанами выглядеть юным полубогом, и информирует:

— Я в душ.

Постоянно, поганец, опережает мои распоряжения. так, видите ли, не настолько унизительно. Мало я ему всыпала. Лежу на постели в непринужденно-соблазнительной позе. В дверях появляется мой мальчик. Абсолютно нагой, с влажными после душа волосами. Кожа светлая, только лицо, шея и руки тронуты загаром.

Он как-то смущенно признался, что его родители удивляются, почему он все лето даже на даче ходит в длинных брюках и футболке. Я нарочно оставила ему яркий засос чуть пониже уха. Разозлился. Нагрубил, ушел, хлопнув дверью, не возвращался две недели. Наконец пришел, выдохнул с порога заранее приготовленное: «Прости меня, пожалуйста. Я был не прав». Замер, склонив голову, на щеках румянец так и полыхает. Я, конечно не подала виду, что все внутри поет от радости, сдержанно простила, а потом так оторвалась, что мальчику стало плохо. Даже на следующий день не смог идти на занятия, пролежал у меня. Я испугалась, кудахтала над ним как наседка, чуть ли не кормила с ложечки. Помирились. Мой мальчик наливает в бокал вино, приносит мне. Садится рядом, нахально присасывается к моей груди. Ах ты, мой наивный, думаешь, отделался на сегодня трепкой в прихожей? Наклоняю бокал, вино проливается, оставляя темно-красные пятна на кремовой простыне. Возмущенно вырываюсь из его объятий:

— Ну-ка посмотри вот на это!

Он смотрит, обвиняюще бросает:

— Ты нарочно!..

— А какая разница, нарочно или нет? — усмехаюсь я. — Для тебя результат один и тот же.

Понял. Говорит глухо, уставившись в пол:

— Ну ладно... только... Послушай, не надо как в прошлый раз, хорошо?..

Я кладу руку на самое интимное его местечко, слегка сжимаю пальцы:

— А что, не понравилось?

Закрывает глаза.

— Ты же знаешь, что мне все это не нравится.

Я покрепче сжимаю пальцы, двигаю рукой. Внимательно наблюдаю, как дрожат ресницы на застывшем красивом лице.

— Зачем же тогда терпишь? Я тебя ведь не держу, уходи, если хочешь.

Молчит.

Однажды, когда мы очередной раз поссорились, я уже задавала этот вопрос, обрабатывая ссадины на его теле. Он тогда резко повернулся, грубо притянул меня за волосы и яростно сказал: «Да потому, что у меня только на тебя стоит, поняла?! Если б я мог!... « Оттолкнул меня, снова рухнул лицом в подушку, плечи его затряслись. Это был единственный раз, когда я видела его слезы.

Я беру моего мальчика за руку и подвожу к столу. Сдвигаю в сторону бутылку вина, блюдо с фруктами, вазу с цветами. Приказываю:

— Лицом в стол. Руки вытянуть. Ноги шире.

Повинуется беспрекословно и, кажется, даже охотно. А чему это ты улыбаешься, радость моя? Решил, что предстоит банальная порка, а уж ее ты способен вытерпеть без писка? Ну-ну. Надейся дальше. Капроновыми лентами, оставшимися еще от школьных времен, крепко

привязываю его щиколотки к ножкам стола. Шарфом стягиваю запястья и закрепляю.

Ставлю перед ним зеркало.

Стою так, чтобы он мог меня видеть. Извлекаю из кармана халата и начинаю демонстративно натягивать на правую руку хирургическую перчатку.

А вот теперь мой мальчик задергался. Сам виноват, нечего было напоминать про «прошлый раз». Сбрасываю халат на пол и подхожу к нему сзади. Глупенький мой, зачем же ты весь напрягся, стянулся? Я все равно сделаю то, что хочу, только так тебе будет гораздо больнее.

Начинаю. Вижу в зеркале его глаза. Сейчас он меня люто ненавидит.

За окном ветер шумит в деревьях, а в комнате только наше тяжелое дыхание, звонкие шлепки по телу, поскрипывание стола. Интересно, что будет, когда я дойду до предела его терпения? У его папаша, бывшего вояки, а ныне тихого алкоголика, есть пистолет. Небольшая смертельно опасная игрушка, приятно лежащая в руке. Мы стреляли в лесу по пластиковым бутылкам. Я позорно мазала, он же не промахнулся ни разу. Там же, в лесу, я завалила его на опавшую листву и сделала то, что мой мальчик больше всего любит и реже всего получает. Он часто таскает пистолет с собой.

Я дико боюсь, что однажды его остановит милиция.

Мой мальчик что есть сил сопротивляется, сжимает мышцы. Я продолжаю втискиваться в него. Смотрю на вздувшиеся по гладкой коже багровые полосы. Свободной рукой глажу себя. Дышать трудно, рот пересох, я уже на грани. Наваливаюсь на него сверху, трусь всем телом. Он извивается подо мной, постанывает, того и гляди разрядится прямо сейчас. Еще усилие — и я внутри. Огненный ком во мне взрывается и по телу пробегает волна жара. Издав какой-то полувскрик-полувсхлип, я впиваюсь в тело подо мной ногтями. Потихоньку расслабляюсь. Мой мальчик наконец перестает бороться, обмякает, как сдувшийся шарик. На его счастье мне лень проводить давно задуманный эксперимент со свечой и резиновыми колечками. Сколько раз, глядя в зеркало, я пыталась понять, что он нашел во мне, стоящее всей этой боли. Самая обыкновенная, в меру симпатичная, в меру неглупая. Наверное, мы оба сумасшедшие. Снимаю перчатку, бросаю на пол. Развязываю путы. Он медленно выпрямляется, наливает вина и пьет бокал залпом. Спрашивает, не глядя на меня:— Теперь так будет каждый раз?

Пожимаю плечами. Откуда я знаю, чего мне в следующий раз захочется?

Он ставит бокал на стол с такой силой, что хрупкая ножка ломается. Усмехается криво:

— Не везет мне сегодня. Что сейчас — к стене, на пол?..

Толкаю его на постель, падаю рядом, целую. Позволяю ему делать со своим телом все что он хочет, даже помогаю, поворачиваюсь, выгибаюсь. Заслужил честно. Бедный парень.

Когда я прихожу к нему в дом на семейные праздники, его родители смотрят на меня с обожанием. Там я милая, скромная и вежливая. Позволяю ему собой командовать. Он знает, что расплата последует жестокая, но не может отказать себе в этом удовольствии. Его мама зовет меня «дочкой», старается устроить поудобнее, накормить повкуснее. Мне бывает иногда стыдно, когда я вижу, как ее сын садясь морщится от боли.

Мой мальчик лежит, обнимая меня, уставший и умиротворенный. Для него эти полчаса «после» самое спокойное время. Ласково ворошу его волосы, целую в макушку. Отдыхай, мой хороший. Не думай ни о чем. Забудь, чем тебе приходится платить за эти тихие минуты нежности. Теперь он не забывает выключать мобильный. Как-то в такой вот уютный момент раздался мелодичный звон — ему пришла эсэмэска. Он лениво потянулся, погладив меня

мимоходом по животу. Прочитал сообщение. Смутился, взглянул на меня украдкой. Я отобрала у него телефон. Письмецо было от барышни. Привет, тра-ля-ля, увидимся завтра.

— И как это понимать? — поинтересовалась я. — У тебя кроме меня еще подружка завелась? Не ответил, нахмурился.

— Нет уж, поздно в молчанку играть, — не унималась я. — Рассказывай, что за девица, откуда взялась, давно ли вы видитесь.

Он продолжал молчать.

— Ой, не зли меня, — сказала я ласково. — Хуже ведь будет.

Он встал, прошел через комнату к брошенной на стул одежде.

Я ждала.

Он рывком вытянул из петель джинсов ремень с тяжелой пряжкой и пошел обратно.

Я ждала.

Мой мальчик бросил ремень мне на колени, лег ничком на постель, уперся лбом в сцепленные руки.

Я офигела. Он первый раз проделал все добровольно и правильно. И все-таки... Его тело покорно говорило: «Делай со мной что хочешь», а упрямое лицо утверждало: «Все равно ничего не добьешься». От шеи до колен на нем остались отпечатки пряжки. Но он победил — вопросы я повторять не стала. Не готова была запороть его до смерти. Больше он не носит джинсы, только свободные брюки. Я больше не читаю сообщения на его телефоне.

Навожу порядок, пока мой мальчик спит: собираю осколки, запаковываю и прячу обувь.

Выбрасываю перчатку со следами крови. Надеваю наконец алые атласные туфельки.

Оборачиваюсь. Он стоит в дверях и наблюдает за мной. Под глазами залегли тени, искусанные губы распухли, на животе проступила синяя полоса от края стола. Какая же я тварь.

— Дай сигарету, — просит он.

— Разве ты куришь? — спрашиваю удивленно.

— Немного.

Он стоит у окна и курит, пока я меняю простыню в пятнах вина, крови и прочего. Говорит не оборачиваясь:

— Я тебя снова хочу. Что мне за это будет?

— Как всегда, — отвечаю я. — Немного боли.

Он поворачивается, протягивает мне недокуренную сигарету. У него уже есть два шрама повыше левого соска. Беру сигарету. Он закладывает руки за спину. Смотрит куда-то над моей головой.

— Зачем ты позволяешь мне делать это с тобой? — тоскливо спрашиваю я. — Зачем я это делаю?

Он снова криво усмехается:

— Наверное, потому, что ты не умеешь любить по-другому.

Затягиваюсь. Прижимаю кончик сигареты к его груди. Он даже не шевелится, только вдруг резко бледнеет и на лице выступают капли пота.

Мне показалось или у него сегодня опять пистолет в сумке?

Становлюсь на колени, ласкаю его руками, губами, языком. Сейчас он не стыдится стонать.

Потом он опускается на пол и говорит с виноватой улыбкой:

— Чего-то мне хреново.

Я стараюсь перетащить его на постель. Он виснет на мне, мы едва не падаем оба.

— Извини, — говорит он, когда я наконец укладываю его и укрываю одеялом. — Я не хотел тебя пугать. Потом накажешь меня за это.

— Дурак, — говорю я, шмыгая носом и вытирая глаза. — Я больше не буду тебя мучить.

Он проводит по моему лицу ладонью:

— Не обещаю того, что не сможешь исполнить.

— Я постараюсь, — неуверенно отвечаю я. — Слушай, может врача вызвать?

— Да фигня. Просто устал я за последнее время.

Приношу аптечку. Накладываю повязку на ожог. Заставляю выпить пару таблеток обезболивающего. Помогаю перевернуться на живот. Обрабатываю рубцы от ремня. Замечаю, как он напрягается.

— Дальше я сам.

Продолжаю, не обращая на его слова внимания. Он вздрагивает всем телом, но смиряется.

Если так пойдет и дальше, скоро он станет совсем послушным. И скучным.

Поначалу он сопротивлялся даже простым шлепкам, злился, ругался. Мне нравилось понемногу сгибать его, позволять себе все больше, каждый раз боясь, что он не выдержит и уйдет навсегда. Не хочу, чтобы он сдавался слишком быстро. Он словно читает мои мысли.

Неожиданно резко поворачивается, грубо валит меня на постель, прижимает всем телом. Его рука лежит на моем горле.

Становится страшно, но я улыбаюсь прямо ему в лицо.

— Та-ак! — говорю я. — Не очень-то ты и устал, как вижу.

Он отпускает меня. Ложится, смотрит в потолок.

— Когда-нибудь, — говорит он очень тихо, — или ты меня сломаешь окончательно, или я тебя убью.

— Это будет еще не скоро, — утешаю я. — Ты же у меня сильный.

Иду на кухню приготовить нам поесть. Мимоходом трогаю его сумку.

Пистолет здесь.

Надеюсь, если он действительно убьет меня, это будет быстро.

Я не переношу боли.